

ЦЕЛОСТНЫЙ ДУХОВНЫЙ АКТ КАК ОСНОВА КРЕАТИВНОГО СИНТЕЗА ОБЪЕКТИВНО-НАУЧНОГО И ЦЕННОСТНОГО МЕТОДОВ ПОНИМАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Исаак Яковлевич Лойфман в своем творчестве проделал путь от естественнонаучной онтологии до универсалий культуры, до синтеза научного и ценностного методов понимания реальности. Ныне ценностное содержание стало самым главным в гуманитарных науках. Человек осваивает реальность *научно-теоретически, ценностно и практически*. В рамках теоретического освоения мир осознается *объективно*, каков он сам по себе, вне отношения к субъекту. В пределах ценностного освоения (нравственность, искусство, религия) мир берется в его отношении к субъекту, со стороны его *значимости для потребностей и интересов, идеалов и целей человека*; т. е. с позиций *должного и желаемого*, как *ценность* и оценивается в категориях совершенного или ничтожного, достойного и недостойного, добра и зла, прекрасного и безобразного и т. д. Ценностное освоение преодолевает односторонность научно-теоретического отношения к реальности и является более конкретным и значимым. Ценности суть основа *идентичности личности и народа*; они направляют самоопределение человека, выбор им жизненного пути; в них заложена *генетика социального поведения*. В рамках практического освоения объективное превращается в *органы сознательной воли субъекта*; при этом субъект изменяет не образ внешней реальности, а саму эту реальность согласно знаниям и ценностям. Очевидно, три формы освоения реальности не альтернативны, а *дополняют* и обогащают друг друга.

Сущность целостного духовного акта

Характерным для русской философии XIX — XX веков является учение о целостности души (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев), о целостном духовном акте (И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др.). Целостный духовный акт есть взаимная дополнительность и согласованность главных духовных сил — мышления, понимающего *объективную истину*; нравственной воли, ориентированной на сотворение *добра*, а не зла; эстетического созерцания и продуктивного воображения, воспринимающих *красоту*, одухотворенной веры, устремленной на *пре-*

дельные и совершенные ценности; совести, оценивающей помыслы и деяния с позиций *должного совершенства*; любящего сердца, способного воспринять лучшее, избрать его и жить им. Срастаясь воедино, эти способности образуют *целостный духовный акт*, в котором «соло» каждой из них дополняется «хором» всех остальных; возникает «симфония» духа, дарующая полноту миропереживания и миропонимания, непроизвольное творчество и радостную самореализацию. Как внешние органы чувств, дополняя друг друга, порождают целостный чувственный образ, так и главные духовные силы, взаимообогащая друг друга *разной духовной модальностью*, позволяют обрести *целостное* миропонимание, свободное от односторонних крайностей. Такого мировоззрения одна наука дать в принципе не может. А. Кураев сравнил науку с железнодорожным расписанием, из которого не вычитаешь, куда и к кому следует ехать. Разъединение духовных сил порождает «частичный» духовный акт и одномерное мировоззрение: мышление в отрыве от воображения, совести и любви создает картину механической Вселенной, фабрично-заводской или рыночный взгляд на человека; воля сама по себе утверждает одну дисциплину и организацию, полицейское государство; воображение вне совести эстетизирует пороки, вера вне мышления и любви. впадает в иллюзии, химеры и галлюцинации; инстинкт вне идеала раздувает подсознательные «ночные» силы души и т. д. Понимание предметной области зависит не только от ее содержания, но и от той *интеллектуальной оптики*, с помощью которой осуществляется умозрение о предмете. Социальная реальность онтологически содержит ценностный аспект, и аксиологический компонент неотъемлем от понятийного состава гуманитарно-социальных наук. Адекватное понимание социальной реальности предполагает единство логических нравственных, эстетических и др. духовных сил субъекта.

В специализированной форме мышление представлено в науке и философии, совесть и воля — в нравственности и праве, воображение и созерцание — в искусстве, вера — в религии. Усваивая культуру, личность усваивает и те *продуктивно-творческие силы*, которые выражены в культуре как духовные способности ее творцов. Как мышление, воля, вера, воображение и созерцание дополняют друг друга, так и специализированные формы их объективации дополняют и взаимно обогащают друг друга, порождая целостность и полноту сознания.

Целостность духовных сил позволяет понимать, переживать и осуществлять объективно лучшие, *совершенные* содержания. Совершенная реальность есть такое содержание, которое *гармонично*

соединяет в себе истину, добро и красоту. Поэтому такая реальность постигается целостным актом. Совершенное как реальность есть основа духа и религии, культуры и воспитания, источник всех конкретных положительных ценностей и качеств личности; оно сообщает единство ценностному сознанию, предохраняет личность от соблазнов деструктивной социальности, служит иммунитетом души и основой душевного здоровья и духовной безопасности. Совершенство являет себя мышлению как истина, воле как добро, а созерцанию как красота. Вера объединяет эти проекции совершенства и постигает последнее как таковое. *«Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности»* [1, 56] Любовь к совершенству, подчеркивал И. А. Ильин, не есть аффектированная фраза или сентиментальная выдумка, *«но живая реальность и притом величайшая движущая сила человеческого духа и человеческой истории»*. Поколение людей, которому это чувство чуждо и непонятно — есть поколение мертвое, слепое и обреченное. Все основатели великих духовных религий — Конфуций, Лао-Цзы, Будда, Зороастр, Моисей были движимы этим чувством» [1, 97]. Религиозный опыт при всем его многообразии заключается в воле к совершенству, в *благоговении* перед ним и в *верности* ему. Культура же воплощает дух совершенства в зримые образцы-эталоны человеческой субъективности. Совершенное приемлемо как для образованного светского, так и для религиозно ориентированного сознания; оно достаточно определено, чтобы сообщить сознанию положительную ценностную направленность, и достаточно неопределенно, чтобы предохранить сознание от формальной схоластики и догматизма и дать личности простор для свободного творчества в мире ценностей. Восстановление в философии методологической роли категории совершенства и проектирование на основе этой категории ценностного содержания как самой философии, так и образования является, на наш взгляд, перспективной стратегией. Разделение духовной деятельности привело к тому, что одни изучают истину (наука), другие — добро (этика), а третьи — красоту (эстетика). Разделение труда порождает непонимание и споры. Для целостного сознания, истиной является не то, что кислород окисляет металл (это объективно верное знание), но нечто иное — истина есть добро, явленное в форме красоты.

Логический синтез рассудка и аксиологический синтез сердца

В философии достаточно конкретно выяснена роль апперцепции для всего процесса мышления. Заслуга в этом принадлежит

И. Канту. Апперцепция — *чистое единство самосознания* («я») и исполняет функцию синтеза чувственных данных. Всеобщими схемами такого синтеза являются формы мышления, система которых образует *рассудок*. Рассудок осуществляет логический синтез. Синтез *различных* психических модальностей возможен потому, что апперцепция есть, *однородная* деятельная сфера; благодаря однородности она сообщает *единство* всему логическому сознанию. Однако в философии, насколько нам известно, не ставился в теоретическом виде вопрос о *аксиологическом синтезе*, который по значению не менее важен, чем синтез логический. Аксиологический синтез продуцирует *ценности*, а не понятия. Ценности избираются не мышлением, а *чувствами*. Мышление обосновывает ценности. Чувства бывают внешние и внутренние, *духовные*. Первые порождаются физическим воздействием, а вторые *возникают от переживания значений*, например радость, восторг, презрение, уважение и т. п.; они — *понимающие чувства*, «чувства — теоретики» (К. Маркс). *Сердце есть сосредоточие таких духовных чувств*. О первенстве сердца как духовного органа писали Г. С. Сковорода, П. Д. Юркевич, И. А. Ильин и др., не говоря уже о святоотеческом Предании. «Сам ты, — писал Г. С. Сковорода, — есть твое сердце», «истинный человек есть сердце в человеке» [2, 142]. «Сердце есть, — отмечал П. Д. Юркевич, — сосредоточие душевной и духовной жизни человека. ...Лучшие философы и великие поэты сознавали, что сердце их было истинным местом рождения тех глубоких идей, которые они передали человечеству в своих творениях» [3, 69, 82–83]. «Русская идея, — подчеркивал И. А. Ильин, — есть идея *сердца*. Сердца, созерцающего *свободно и предметно*; и передающего свое видение *воле* для действия и *мысли* для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности» [4, 420].

Особенность логического мышления состоит в воссоздании и моделировании *внутренней формы*, системы *устойчивых* отношений, структуры. Ибо на таких отношениях люди основывают свою жизнь, создают технику, государство, гарантируют безопасность, предвидят и прогнозируют. Назначение науки инструментально; это — открытие и моделирование возможных закономерных связей, конструирование из таких связей моделей будущих вещей и реальное производство вещей. Поэтому «науку не интересует все, что не относится к формальной сути дела. Она считает эти свойства несущественными и отбрасывает их, оставляя лишь формализм. ...Из сложного разнообразия предметов, скажем, труда зем-

ледельца она выделяет формализм, например, функцию тяги или сноповязания. Выявленный автоматизм, закованный в железо, приходит затем на поля и заменяет труд земледельца» [5, 39]. Формообразующая сущность логического мышления объясняется тем, что качества вещей не мыслятся, а воспринимаются. Мышление устанавливает их зависимость от тех или иных факторов, например, качество цвета — от электромагнитной волны.

«Сердце» синтезирует явления в аспекте их значимости для человека на основе *однородного чувства совершенства*. За развитым нравственным чувством (совесть), эстетическим вкусом, религиозным настроем души скрывается их глубинная основа — однородное чувство совершенства. Это чувство — корень религии, нравственности и эстетического отношения. «Религиозная вера горит именно тогда, когда она есть проявление *свободной любви к безусловному совершенству*» [1, 56]. Если совершенство раскрывается верованию как *образ Божий*, то нравственной воле как *добро*, а эстетическому созерцанию как *красота, прекрасное*. Все положительные ценности и чувства есть многообразные выражения совершенства. Подобно тому как апперцепция есть основа единства логического сознания, так и *однородное чувство совершенства есть основа аксиологического синтеза и единства всего ценностного сознания*. В воспитании, ценностного сознания синтез сердца является базисным. Особенностью духовного акта русской культуры является *первенство аксиологического синтеза над логическим, сердца — над рассудком*. «Русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести» [6, 329]. Сердце и разум, соединенные духовным созерцанием, суть два крыла взлета и парения сознания в «солнечных пространствах» прекрасных значений. Односторонность сциентизма состоит в отвлечении от аксиологического синтеза «сердца», что характерно для современной бессердечной техногенной цивилизации. Вопрос об аксиологических основах науки — это вопрос не о науке, как некоей *анонимной* инстанции, а вопрос о культуре духовного акта, посредством которого творится наука и, в первую очередь, — о *нравственных* отношениях между людьми: признают ли субъекты науки *равноценность* достоинства различных людей (на таком признании основана нравственность) или же часть людей толкуется как «масса», как средство для реализации целей особо посвященных в очередное «великое учение» (чикагской школы) и загоняющих «массу» в страну счастья (либеральной рыночной экономики).

ТВОРЧЕСКАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ ЦЕЛОСТНОГО ДУХОВНОГО АКТА

Целостность духовного акта позволяет личности:

— понимать и переживать реальность достаточно полно, без односторонних крайностей, связывать *объективный* научный метод с *ценностным*, усваивать *межпредметные* связи, использовать художественные образы, модельные аналогии из различных областей в процессе творческого усвоения и развития знания; т. е. иметь стартовые преимущества в общем деле, быть творчески продуктивной; за умением специалиста оптимально решать профессиональные задачи скрываются развитое логическое мышление, продуктивное воображение, эстетический вкус, честность и ответственность, столь важные в профессиональной надежности;

— достаточно адекватно понимать своеобразие людей, исходя из полноты личного субъективного опыта, что составляет важный компонент профессиональной подготовки, а также понимания социальной реальности, а именно *человеческого* (жизненного, экзистенциального) содержания социальных процессов и отношений, социальных норм и институтов;

— быть субъектом глубинного, а не одномерного общения, обрести *толерантность* в различных видах коммуникации.

Логической основой толерантности является *диалектика*, позволяющая верно соединять противоположности в их единой основе — понимать единство в многообразии, тождественное в различном, всеобщее в особенном и т. п. Принципиально важным является в *межнациональном* общении понимание *единства* человеческого рода в *многообразии* народов; в *межкультурном* общении — умение видеть за *различными* этнокультурами *единство человеческого духа*; в сфере *нравственной* — признание *равноценности достоинства каждого человека* независимо от его пола и возраста, национальной принадлежности и социального положения; в *межличностном* общении (где осуществляется обмен различным содержанием субъективности) — *осознание тождества родовой природы* человека, развернутой в *бесконечном вариативном многообразии*; понимание того, что ни одна личность не может исчерпать *полноты* всей человеческой субъективности. Такое понимание предохраняет личность от абсолютизации своей позиции по тому или иному вопросу и ориентирует на опыт другой личности как на возможность увидеть мир в иной грани, в новом измерении. Способности и опыт других людей превращаются в *дополнительные духовные органы толерантной личности*. Целостность духовного акта предохраняет от частичного общения и позволяет обрести *полноту* в понимании и в самореализации.

Диалектика состоит во всех случаях в понимании *тождественного в различном, единого в многообразном, всеобщего в особенном*. Если же встать лишь на точку зрения *особенного*, то *одному* особенному противостоит *другое* особенного, и сознание будет видеть *только различия* без внутреннего их *единства*. Каждый начнет пастаивать только на *своем* особенном. В итоге различия заострятся до враждебных противоположностей, до острого противоречия, которое в итоге заставит посмотреть на предмет более глубоко и увидеть за особенным всеобщее содержание, существующее через особенное, а не рядом с ним. Точно так же особенное существует не вне всеобщего, а как форма его своеобразного бытия. Именно в рамках *всеобщего (для сторон общения) содержания можно осуществить творческий синтез тех противоположностей, которые ранее представлялись непримиримыми*. Толерантность — это *категория общения* на уровнях межличностном, межнациональном, межкультурном, межконфессиональном, гражданском. Толерантность предполагает понимание многомерности человека и общества, ограниченность всякой позиции уже потому, что *каждая позиция, будучи определенной, имеет свои пределы*, за которыми она ошибочна и не исчерпывает всей *полноты того целого*, по поводу которого складывается общение. Толерантность не отрицает ни *поиска истины, ни принципиальности, самостоятельности и последовательности*. Она есть разумная позиция, позволяющая избегать узколобой *субъективности и односторонних крайностей* и актуализировать важность того момента общения, который отражен в таких родственных понятиях, как любезность, деликатность, вежливость, тактичность, дополняя эти понятия более широким социокультурным значением на уровнях межнациональном, межкультурном, межконфессиональном и т. д. Но, чтобы понимать многообразный контекст человеческого бытия, надо обладать *духовными органами для такого понимания, которыми и выступают главные продуктивно-творческие силы, взятые в их единении*.

Науки и религия: альтернативность или дополнительность?

На экране мышления реальность предстает как «алмазная сеть» из закономерностей. «Блеск кристаллов пленяет наши чувства, — заметил Л. Фейербах, — но наш разум интересуется только кристаллопомией» [7, 38].

В актах воли реальность предстает императивно, как должествование. Иначе она предстает в поле эстетического бескорыстного созерцания. В актах веры субъект ищет иное измерение ре-

альности. Вера есть та же воля, но направленная не на внешний, а на внутренний опыт и реализуется как стремление к *высшим, предельным, абсолютным и совершенным ценностям-основаниям*. Такие ценности необходимы для организации всего состава сознания с помощью *иерархии предпочтений*. *Без веры сознание становится мозаичным, разорванным, несчастным*. Когда вера обретает такие ценности, она превращается в верование. Религиозное состояние души и есть отношение субъекта к абсолютным для него ценностям независимо от того, относит он себя к той или иной конфессии или нет. В религии абсолютные ценности (святыни) представлены как Божество. Все народы имеют религию потому, что она дает им то, чего *не в состоянии дать иные формы сознания*. Религия, соединяя человека с Богом, позволяет обрести *абсолютные ценности*, которые транслируются через толщу веков как надежные ориентиры — звезды, негасимые влиянием внешних обстоятельств. На основе таких ценностей в душах людей возникает *общая идентичность, взаимное признание, доверие и согласие* в основных вопросах; культура, управление, хозяйство получают единую ориентацию. Возникает *единство в многообразии ценностей*. Уберите у русских и евреев религию, и эти народы превратятся в население, которое быстро ассимилируется иными народами, сохраняющими свою религию. Религия имеет *ценностную природу и образует собой иммунную систему народного духа от деструктивной социальности*. *Ее иммунная функция производна от абсолютных ценностей. Требовать от верующей души воспринимать мир по научному так же некорректно, как настаивать на том, чтобы ухо научилось воспринимать живопись*. Ценностно-правственные представления тоже не научны. «Но бессмысленно ставит вопрос об их истинности, — подчеркивает Ю. М. Бородай, — ибо у них совершенно иная функция, вовсе не познавательная, — это цемент, скрепляющий общность. Функция важная — *первостепенная* в антропогенезе» [8, 187]. В отличие от верифицируемых научных знаний «функция коллективных правственных представлений состоит в обеспечении *единства ценностной ориентации* многих «Я», включенных в данную общность, посредством идентификации их с какой-нибудь одинаково отстраненной от всех идеальной сущностью» [8, 189] — Зевсом, Буддой, Христом, Мухаммедом. Важен «символ группового объединения». *Интегрирующая функция божества объясняет и его совершенное, эталонно-образцовое качество*. В религии божество предстает как абсолютное совершенство. Функция науки — дать адекватное отображение объекта *мыслью*, функция религии и нрав-

ственности — духовно объединить индивидов «со свободной волей» в «братскую общность». Задачи разные, требующие разных технологий. Социокультурная роль религии и нравственности важнее функций пауки. «Соборный культовый ритуал, бессмысленный с точки зрения познавательной функции разума, — нормальная и, как оказалось, самая эффективная форма символизации нравственных представлений первородной общины, религиозной конфессии, и даже атеистической общности, основанной на «рациональной» идеологии» [8, 189]. Французские якобинцы, замечает Ю. М. Бородай, отменившие религию Бога, стали создавать новый «культ Разума», Л. Фейербах Богочеловека заменяет человекобогом, Свой культовый ритуал ввели немецкие пацисты, Большевики, взрывали православные храмы и вместе с тем построили «культовый фетиш — мавзолей», настойчиво внедряя партийно-комсомольско-пионерскую обрядность. Однако светская религиозность без Абсолюта. Поэтому «развитие секулярной надконфессиональной, сверхэтнической и трансидеологической цивилизации выявляет такую закономерность: чем больше нравственность порывает с культом и, уподобляясь знанию, стремится к обретению статуса «истинности» своих представлений, по мере того как культовый ритуал вытесняется свойственными познанию процедурами верификации, нравственность умирает, превращается в анахронизм, «предрассудок». Она замещается отчасти правом и все чаще прямым директивным администрированием начальства. Функцию нравственности (организацию человеческой общности) все больше берет на себя полиция» [8, 189–190]. Определенный род предметов воспринимается соответствующим ему субъективным органом. Иначе будет слепота в восприятии по субъективной причине: человек сам пылит и поэтому из-за пыли не видит солнца. Религия не альтернативна науке так же, как зрение не отрицает слуха. Образ совершенства Божия *продуктивен для науки, искусства и нравственности*. Если совершенен Творец, то совершенны и те меры, согласно которым сотворены мироздание и человек. *Задача науки — познавать эти меры и содействовать улучшению реальности. Наука является, таким образом, познанием Бога по Его творениям*. Идея Бога эвристична для науки, ибо выводит сознание в высшие духовные сферы смыслов и гармонии. Творцы классической культуры, например естествознания, были, за редким исключением, людьми глубоко верующими (Коперник, Ф. Бэкон, Г. Галилей, Кеплер, Ньютон, Бойль, Р. Маер, астроном Мэдлер, геолог Лиэлль, химик Либих, физиологи Дюбуа Раймон, и И. П. Павлов и т. д.) [1, 233–234]. Примечательно, что классики немецкой философии (Кант, Фихте,

Шеллинг, Гегель, Фейербах) окончили теологический факультет. Истинный ученый, в отличие от представителя «полупнауки» (Ф. М. Достоевский), интуитивно исходит из предпосылки, что предмету присущ «порядок, мера и стройность». «Истинная наука рационалистична только по завершающему, последнему орудию своему, по мысли, по основной предпосылке ее является чувство *тайны*, чувство *любви*, чувство *преклонения*, чувство *восторга перед совершенством*» [9, 350]. Достаточно сослаться на высказывания Коперника, Бэкона, Галилея, Кеплера, Бойля, Дюбуа Раймона, Эрстеда, Шлейдена, Фехнера, Ж. Сент-Илера и других создателей естествознания, классической литературы и поэзии [1, 233–234, 350–351]. Наука как раз вырождается тогда, когда гаснет «восторг перед совершенством», гаснет вдохновение, возникающее всегда от переживания совершенства. Религиозное миропонимание позволяет понять специфику науки, но не наоборот. Перед сциентистским же сознанием возникает проблема, которая не может не тревожить научную совесть: научный метод обязывает говорить языком самого предмета; чтобы это делать, надо знать предмет; чтобы понять религию, надо ее воспринять, пережить и понять, а затем судить о ней; иначе суждения о религии подобны мнению человека о содержимом в той комнате, в которую он никогда не заходил. Главный вопрос состоит в том, каково качество самого предмета веры и на что вера ориентирует человека, расширяет ли она горизонт сознания или сужает, возвышает духовно или понижает ранг ценностей. Какая же вера достойна человека? Вероятно, та, которая лучшим образом организует внутренний и внешний опыт людей, духовно возвышает личность и является человеко-творческой, открывающей истинные перспективы для всего человеческого рода. Другого, более очевидного критерия у нас, людей, вероятно, нет. Разумно оценивать мировоззрение креативно-антропологическим критерием, а не только соответствием выводам науки, которые обновляются каждые 10–15 лет.

Современной аксиологии присущ тот недостаток, что в ней нет *единой основы*, из которой можно было бы развить все последующие конкретные определения в систему; нет *единства абсолютного и относительного*. Вне абсолютного мировоззрение становится релятивным — применительным для данного времени, данной общности людей. Изменяются обстоятельства, меняется и мировоззрение; в общественном сознании остаются одни «скачки», одна прерывность, *Теряются преемственность поколений и духовное единение народа*. Релятивное мировоззрение всякий раз спотыкается о новые обстоятельства и терпит поражение при кру-

тых поворотах истории, чему соответствует духовная драма поколений. *Релятивизм есть относительное без абсолютного*. Без абсолютного сознание теряет единый критерий и не может последовательно ориентироваться в жизни, тем более в теории. Поэтому оно вынуждено возводить *относительные ценности в абсолютные*. Так возникает светская религиозность — творится многоликое неоязыческое идолопоклонство, абсолютизируются преходящие явления внешнего опыта. Жизнь быстро развенчивает тщету такой религиозности. Наступают разочарование, «падение миров» (С. Л. Франк), нигилизм и цинизм. *Релятивизм есть вырождение и измельчание ценностного сознания*. Без абсолютного многообразные ценности теряют единство и превращаются в *плюрализм мнений* (что мне лично кажется и мнится). Релятивное мировоззрение жизненно не состоятельно. Достоинством религиозного мировоззрения является его укорененность в *духовный абсолют, совершенный по качеству*. Если дух есть «высший цвет материи» (Энгельс), то основные ценности мировоззрения надо выводить не из бессознательной материи, а из ее «высшего цвета». У бессознательной материи не тот ранг качеств, чтобы из нее можно было бы вывести ценности, достойные духа и культуры и служащие ориентирами в вопросах смысла жизни и т. д. Уязвимость светского гуманизма — потеря абсолютного. Кризис светского гуманизма как целой духовной формации достиг в конце XX века своего апогея. В современных гуманитарно-социальных науках на первый план выдвигается поиск *ценностной доминанты*. Разумно *верить в* благодатность духа совершенства, чувствовать и понимать его абсолютное *верховенство, не понижать ранг ценностей в мировоззрении и мерить совершенным все содержания — в душе и во внешней жизни, в культуре и образовании, политике и хозяйстве*.

1. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. М., 1993. Т. 1.
2. Сковорода Г. С. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1.
3. Юркевич П. Д. Филос. произв. М., 1990.
4. Ильин И. А. О русской идее // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 2, кн. 1.
5. Косарева Л. М. Предмет науки. М., 1977.
6. Ильин И. А. Основы христианской культуры // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 1.
7. Фейербах Л. Сущность христианства. М., 1965.
8. Бородай Ю. М. Эротика — смерть — табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996.
9. Ильин И. А. Кризис безбожия // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 1.